

С. С. Русаков*

КОНЦЕПЦИЯ СОБРАННОГО СУБЪЕКТА МЕРАБА МАМАРДАШВИЛИ

Данная статья посвящена анализу эволюции взглядов М. Мамардашвили на проблему субъекта. В статье раскрывается экзистенциальная и феноменологическая составляющая его философского мышления. Выделяются несколько ключевых концептов, с опорой на которые раскрывается система взглядов Мераба Константиновича: структура сознания, состояние сознания, топологическое мышление и «собрание» субъекта. Представлена классификация человеческого сознания, выдвигаемая им на протяжении своего творчества и представляющая собой диалектическое противостояние «зомби», или «элементала», и мыслящего субъекта или, в другом варианте, псевдосознания и подлинного сознания. Результатами данного исследования являются следующие положения: 1) концепция субъекта Мамардашвили базируется на динамизме, что сближает его с понятием субъективации у М. Фуко; 2) в процессе формирования субъективности прослеживается значительное влияние культуры, способное как стимулировать развитие личности, так и разрушать человеческую субъективность; 3) экзистенциальное понятие «заброшенности» понимается грузинским философом оптимистично, т. е. он полагает, что мыслящий человек вполне может ощущать радость и счастье от способности обладать смыслом своего существования.

Ключевые слова: Мераб Мамардашвили, экзистенциализм, феноменология, субъект, акт сознания, мышление.

S. S. Rusakov

THE CONCEPT OF THE ASSEMBLED SUBJECT BY MERAB MAMARDASHVILI

This article is devoted to the analysis of the evolution of M. Mamardashvili's views on the problem of the subject. The article reveals the existential and phenomenological component of his philosophical thinking. Here we discover several key concepts that uncover the system of views of Merab Konstantinovich: the structure of consciousness, the condition of consciousness, topological thinking and the assembling of the subject. The classification of human consciousness is presented, which he put forward throughout his work and

---

* Русаков Сергей Сергеевич, кандидат политических наук, доцент, Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики; rusakovsergey456@gmail.com

which is a dialectical opposition of a “zombie”, or “elemental”, and a thinking subject or, in another version, pseudo-consciousness and true consciousness. The results of this study are the following statements: 1) Mamardashvili’s concept of the subject is based on dynamism, which brings it closer to the concept of subjectivation of M. Foucault; 2) in the process of construction of subjectivity, the culture gives the significant influence, which can both stimulate the development of personality or destroy human subjectivity; 3) the existential concept of “abandonment” is understood by the Georgian philosopher optimistically, i. e. he believes that a thinking person may well feel joy and happiness from the ability to have the meaning of his existence.

Keywords: Merab Mamardashvili, existentialism, phenomenology, subject, act of consciousness, thinking.

Мераб Мамардашвили относится к типу философов, которые проносят через все свое творчество немного фундаментальных идей или проблем, ради которых создают множество вспомогательных концептов, но не меняют общий замысел своей работы. К таким проблемам грузинский философ, безусловно, относил идею субъекта и идею мышления. При этом его не устраивали ни новоевропейские интерпретации трансцендентального субъекта познания, ни структуралистская критика субъективного. Несмотря на то, что в ранних онтологических работах он выстраивал свою линию рассуждений за счет критики И. Канта и Г. Гегеля [11], а в поздние годы концептуализировал свою социальную философию [13], его понимание человека как субъекта базировалось на экзистенциальном стиле размышления, что видно при анализе развития его творчества на протяжении многих лет.

В подтверждение этому можно привести слова В. А. Подороги: «М. М. не отстаивает никакой особой позиции или принципиальной идеи, его даже можно назвать одним из первых советских антифилософов (близким С. Кьеркегору, Ф. Ницше)» [12, с. 32]. Тем не менее это не мешает обнаружить в разные периоды его творчества элементы общих характеристик концепции субъекта и проследить ее трансформацию. Феноменологическая и экзистенциальная составляющие формируют ядро его концепции субъекта — методологически Мамардашвили сближается с гуссерлевской редукцией [6, с. 60–62], но содержательно и телеологически граничит с художественным и сложным языком М. Хайдеггера. На том, что грузинского философа стоит изучать как представителя феноменолого-экзистенциального философствования, настаивают Э. Гелнер, Н. В. Мотрошилова и Д. Э. Гаспарян. Даже несмотря на некоторую критику экзистенциализма в вариантах Ясперса и Сартра в «Очерке современной европейской философии» (13-я лекция), его собственные идеи действительно совпадают с их пафосом — понимание того, что человек есть усилие в своем существовании [8, с. 251].

С одной стороны, на рассматриваемого автора существенное влияние оказывали некоторые философы классической эпохи, главным образом Р. Декарт, И. Кант и Э. Гуссерль. Тем не менее их идеи не представляются Мерабу Мамардашвили завершенными. Следовательно, с другой стороны, ко многим разработкам различных философов он добавляет экзистенциальные переживания в работах Данте, М. Пруста, Ф. Кафки, Л.-Ф. Селина, Р. Музиля и многих других писателей.

Важно отметить и то, как М. Мамардашвили соотносит понятия «сознание» и «бессознательное». В одной из своих статей он довольно четко указывает, что на место бессознательного он вводит сознание и указывает, что именно последнее является действительным предметом психоанализа [7, с. 126]. Таким образом, он практически не признает концепцию расщепления сознания человека как субъекта и носителя всех сознательных процедур, следовательно, у него субъект монолитен, что объясняется непосредственным влиянием классической европейской философии.

Наряду с этим, в своем творчестве он активно разрабатывает проблемы сознания и мышления, а его представления о человеке как носителе субъективности более правильно обозначить как концепцию сознательного субъекта или субъекта мышления, нежели как концепцию субъекта познания, подобно картезианской, кантианской и даже гуссерлевской позициям.

В 1980-е годы Мераб Константинович окончательно совершает переход в область экзистенциального (иногда даже околорелигиозного) философствования, а гносеологические вопросы, интересовавшие его в 1970-е годы, остаются позади. Тем не менее вместе с тем, как меняется и его взгляд на концепцию субъекта и на место и роль человека в разрезе проблем субъективности, некоторые ключевые понятия остаются в философии М. Мамардашвили вплоть до последних лет творчества.

В совместной с А. М. Пятигорским работе «Символ и сознание» встречаются две подобные категории — структура сознания и состояние сознания, где сознание понимается как форма мышления. При этом под структурой или состоянием сознания мы понимаем не эпистему в духе Мишеля Фуко [2, с. 141–148], внутри которой формируется сознание субъекта, а внутренний элемент субъективности человека как носителя сознания.

Структуры мышления — это матрицы, по которым «производимся и рождаемся мы сами в том наборе наших способностей и свойств, которые у нас есть или могут быть как у людей» [4, с. 60]. С ними человек сталкивается с рождения, ведь структуры сознания формируются благодаря артефактам, окружающих нас и находящимся в обществе. Это могут быть социальные институты, изобретения или фундаментальные идеи, влияющие на общественную жизнь — все они порождают структуры мышления, т. е. атомы ежедневной сознательной жизни. Однако это сознание не истинное (неживое, как будет писать Мамардашвили в более поздних текстах о Прусте), оно во многом автоматизировано и оказывается в замкнутом круге, расшатать который практически невозможно. Такой уровень сознания приобретает человек на стыке двух миров — естественных потребностей и элементарных нужд человеческой биологии и искусственных форм социальной жизни. Примерами структур мышления могут быть крайне конкретные вещи — свобода, равенство, конфликт, гармония, этикет и т. д.

Состояние — это акт, совершаемый человеком в мире, порождаемый уникальным только для одного человеческого существа стечением обстоятельств и событий, приводящий к кристаллизации всех его чувств и мыслей [10, с. 308]. Состояние достигается человеком, безусловно, при большом влиянии целой совокупности структур сознания, но выводит человека из замкнутости социаль-

ного порядка или заикленности реактивных состояний человека. Во многом то, что пытается описать Мераб Мамардашвили, напоминает пограничную ситуацию (нем. Grenzsituation) — утвердившийся термин экзистенциальной философии К. Ясперса.

У обоих философов ситуация понимается как столкновение человека и мира, их особое взаимодействие. К. Ясперс утверждал наличие преодолимых (тех, с которыми человек справляется наличными средствами) и непреодолимых пограничных ситуаций (смерть, страдание, вина, неопределенность и др.), которые принуждают его к отказу от повседневных практик мышления и ведут к личному прорыву. По Ясперсу, человек, переживший пограничную ситуацию, обнаруживает свое уникальное предназначение и позволяет наполнить свое повседневное бытие, преобразовав его духовно. По Мамардашвили, человек может сам оказаться в «точке равноденствия», если способен на отказ от всего социального и реактивного, готов пойти на риск (поставить себя на карту, ввязаться — от франц. s'engager [10, с. 17]), чтобы увидеть то (истину, закон подлинный жизни), что не обнаружить повседневным взором и разумом. Обнаруживаются и различия: немецкий мыслитель предполагает, что духовная трансформация человека возможна только в результате трагического опыта, сопряженного с глубоким потрясением, в то время как грузинский философ настаивает, что трансформация возможна в любой ситуации, но при условии наличия собственно воли и усилий для преодоления своей «слепоты сознания». Вместо понятия «пограничной ситуации» грузинский философ предлагает термин «ангажированность», понимаемый им не через классические категории экзистенциализма, такие как «страх», «ужас», «ничто», а скорее связанный с понятиями «интерес», «риск», «желание быть».

Другим важным понятием, призванным обозначить образ мышления человека как субъекта сознания, является точное, или топологическое, мышление. Точность мышления напоминает разновидность феноменологической редукции, под которой М. Мамардашвили предполагает блокирование навыков наглядного языка и создание новых концептов и мыслительных конструкций, обозначающих несуществующие элементы реальности или их отношения, которые обозначить наглядным языком невозможно [8, с. 306]. Точное мышление тесно связано с понятием, которое будет описано ниже, а именно «собранный субъект». «Мыслить точно» означает довести свое мышление до предельно трансцендентного состояния (номадического, вневременного), где вся человеческая экзистенция становится некой точкой равновесия, позволяющей удержать концентрацию мысли и не соскальзывать в реактивное, обыденное, привычное мышление.

Во многих моментах обнаруживается некоторое сходство между работами М. Мамардашвили и поздним проектом М. Фуко. У обоих авторов мы встречаем динамичное понимание процесса становления субъекта — «собрание» субъекта у Мамардашвили и субъективация у Фуко. Так, например, в «Картезианских размышлениях» М. К. указывает, что человек есть движение, среднее между бытием и ничто, результат «второго рождения» [5, с. 178–180], после которого человек может стать на путь становления субъектом и способен

взаимодействовать с вещами, которые не имеют оснований в реальном природном мире, т. е. получает способность трансцендировать.

Во-вторых, оба философа пытаются, хоть и по-разному, переосмыслить природу сознания, которым обладает человек, и степень влияния культуры на человеческую субъективность: например, влияние советской, русской или грузинской культуры на формирование «мускулов» мышления у первого мыслителя и влияние развития медицинского или правового дискурса на складывание нормирования субъектов у второго.

Акт мысли является центральным моментом в концепции собранного субъекта и означает способность собирания всех раздробленных мыслей, во-первых, под знаком риска, во-вторых, под знаком долговременной переработки их влияния на самого мыслящего субъекта без каких-либо реакций. В некоторой степени это напоминает картезианскую идею о том, что человек — духовная машина. Таким образом, уметь собирать под знаком риска и ответственности весь переживаемый поток мыслей и не выдавать реакций означает не быть духовным автоматом. Для Мераба Мамардашвили это значит так же «не быть зомби», т. е. лишь человекоподобным существом или трупом, способным только на реактивные действия.

Противопоставление «зомби — мыслящий субъект» можно отразить и иначе. К примеру, Д. Гаспарян указывает, что в своей версии экзистенциализма М. К. Мамардашвили и вовсе удваивает человеческое существование, рассматривая его в двух регистрах [1, с. 55–75]. Действительно, на протяжении всего его творчества встречается несколько метафор, описывающих двойственность сознания: человека как кентаврическое существо, «интермитенция» жизни, бодрствование и сон человеческого сознания и др. Первый регистр — это всегда псевдосознание (неподлинное сознание), это наша повседневная установка, когда каждый из нас подвержен мифам, стереотипам, автоматизмам. Второй регистр — подлинное сознание — поддерживаемый «метафизической перспективой», раскрывает перед нами истинное положение вещей, заставляет нас видеть то, что в естественной установке разглядеть невозможно. Основная проблема соотношения двух регистров заключается в том, что псевдосознание непрерывно, в то время как подлинное сознание дискретно. Основным вопросом М. К. Мамардашвили становится вопрос о том, как субъекту прорываться к режиму подлинного сознания.

Ключевым понятием для обозначения концепции субъекта у М. К. является собранный субъект, или, по словам В. А. Подороги, Герой (иногда мудрец, гений, философ). Герой — это тот, кто собирает себя из того, что остается в нем не собранным и рассеянным во множестве межчеловеческих отношений [12, с. 236]. Фигура Героя обладает силой собранности («усилие быть») и способностью удерживать собранное под постоянной угрозой его распада. В лекциях о Декарте собранный субъект описывается как первичная достоверность, перешедшая из области побуждений в область существования и утвержденная на принципе «я принимаю лишь то, что извлеку из себя» [5, с. 195].

В других лекциях М. Мамардашвили мы можем обнаружить упоминание синонимичных понятий, например «вертикальный субъект», или «вертикальный человек» [3, с. 219]. Если субъект, в понимании грузинского философа,

является собранным, то вертикальный человек означает стоящий, бодрствующий, то есть не выпадающий из потока времени и мыслей. В противовес такому субъекту выступает чаще всего обычный человек, чье внимание естественным образом рассеивается и ослабевает, и он не в состоянии удерживать свою мысль. Вертикальный субъект, или бодрствующий человек, — это существо, способное остановить в себе круговорот потока и перестать порождать стихийные или порожденные привычками мыслительные алгоритмы.

Собранный субъект не может существовать без определенных условий. Так, к примеру, несмотря на уровень развития культуры или общества, человек не сможет выйти за пределы тех традиций и структур мышления, которые формируются социально, т. е. за пределы мышления, способствующего сохранению общества и обеспечению функционирования каждого индивида. Общество не нацелено на то, чтобы индивид мыслил, следовательно, оно не даст толчка к развитию субъективности.

К важным условиям формирования собранного субъекта, согласно идеям М. Мамардашвили, относятся осознанность и воля. Осознание своего мышления, своей закрытости к миру, ощущения того, что многое из того, что кажется живым, на деле уже мертво, приводит человека в точку равноденствия или в состояние трансценденции. Только в этой позиции, если у человека появляется воля или желание мыслить, он будет способен к собиранию себя и к мышлению, недоступным при наличии элементарных и социально-ориентированных структур сознания.

В наиболее позднем проекте, посвященном разбору романа М. Пруста и реализовавшемся в лекциях 1982–1985 гг., вводится большое количество категорий, сконструированных в результате анализа текстов Данте, самого Пруста, Библии и других художественных источников, используемых М. Мамардашвили. Наиболее важным концептом здесь выступает время (или жизнь), понимаемое им в бергсоновском и экзистенциальном смыслах. Так, в тексте встречается понятие длящегося акта (франц. *l'act durable*), под которым подразумевается бесконечность как поток времени, где одно действие в абсолютном регистре случается единожды и длится, а в психологическом регистре случается множество раз и завершается [9, с. 206].

В романе Пруста он находит множество примеров такого соотношения: множество красивых женщин, садящихся в машину, оказывается множеством психологических восприятий разных женщин, тогда как в абсолютном регистре это было лишь одно переживание — встреча с Жильбертой (пример берется из романа Пруста); или известная фраза: «Агония Христа длится вечно, и в это время нельзя спать» — означает, что сочувствие должно быть свойственно вообще, в регистре абсолютных вещей, а не в отдельных психологических актах, которые могут и не случиться (пример берется у Паскаля); или известная сцена, где показано, что всякий мальчик-южанин может задумываться о своем будущем, но он всегда будет находиться в регистре абсолютного значения последнего залпа южан, в проигранном ими сражении 1863 года, после которого этот юноша не узнает, кем бы он был, не сможет достигнуть точки равноденствия в этом событии (пример берется у Фолкнера) [9, с. 161].

Это соотношение абсолютного (экзистенциального) и психологического индивида является прямым продолжением развития мысли М. К. Мамардашвили, где он в большей мере раскрывает тему внутреннего устройства человеческого сознания и возможности собирать себя из памяти во времени, но не отклоняется от более ранней идеи невозможности мыслить себя внешне, т. е. в обществе. Все общественное является индивидуальным, но психологическим и кратковременным, а экзистенциальное — абсолютным Я, достигнув которого человек может претендовать на то, чтобы собрать свою субъективность.

Не менее важной идеей, подтверждающей его приверженность течению экзистенциализма, которую М. Мамардашвили продвигал на протяжении многих лет, является идея незаинтересованности мира в нас самих. В лекциях 1978 года он, описывая одну из характеристик экзистенциализма, пишет: «В мире происходят события, явления, акты — они просто происходят. Жизнь — она ведь не для нас вовсе...» [8, с. 215]. В лекциях 1985 года, где Мамардашвили уже излагает свою философию, основанную на анализе Пруста, он, упоминая Л. Витгенштейна, говорит: «Мир не имеет по отношению к нам никаких намерений» [9, с. 40]. На протяжении своего творчества грузинский философ целенаправленно разбивал эгоцентрический пафос новоевропейской модели субъективности, где человек помещает себя в центр мира и формирует свое Я исходя из взаимодействий с миром, хотя кристаллизация субъекта должна идти только изнутри.

Таким образом, концепция «собранного» субъекта М. Мамардашвили обнаруживается на стыке феноменологической и экзистенциальной традиций и обладает рядом особенностей, свойственных стилю мышления грузинского философа. Следует выделить основные понятия, которые используются им для проработки вопросов, связанных с проблемой субъекта: структуры сознания, состояние сознания, точное, или топологическое, мышление и собранный субъект.

Во-первых, его концепции субъекта свойственен динамизм, то есть понимание человека как субъекта, находящегося в постоянном становлении, собирании себя, что сближает его с понятием субъективации у М. Фуко. В основе всей динамики лежит «усилие», направленное на удержание истины и духа самой жизни. Это усилие, совершаемое человеком, может быть наполнено религиозным опытом, философской трансценденцией или декартовско-кантовской умственной самодисциплиной, но оно всегда стремится к исключительно персональной «внутренней единой фундаментальной организации сознательной жизни».

Во-вторых, в процессе формирования субъективности прослеживается значительное влияние культуры, способное как стимулировать развитие личностных, «героических» качеств человека, так и разрушать человеческую субъективность, делая его «зомби» или «элементалом», т. е. сохраняя человеческое сознание на некоем досубъектном уровне. Тем не менее чаще всего в его философии проявляется негативная оценка влияния общества с его тягой к деперсонализации, тотализации и «зомбированию» своих членов, на что наверняка повлияла жизнь в условиях коммунистического тоталитаризма и идеализация жизни на Западе [14, с. 387–407].

В-третьих, способность стать собранным субъектом — задача сложная, а возможно, и непосильная для многих людей, и она требует особой смены своего внутреннего сознательного взгляда на себя, свою экзистенцию и свое место или предназначение в мире. Человек является живым (в экзистенциальном смысле) до тех пор, пока задает вопрос о жизненном смысле своих поступков, но, как только он перестает это делать, он соскальзывает в область имитации жизни, мертвого времени своего бытия. Подобная позиция делает субъективность автономным свойством человека, приобрести которое в сцепке с глубокой социализацией или примитивизацией своей жизни не представляется возможным.

В-четвертых, концепция субъекта мышления М. К. Мамардашвили включает в себя экзистенциальное понятие «заброшенности», но понимается не классическим способом. Зброшенность у С. Кьеркегора, Ж.-П. Сартра или М. Хайдеггера всегда предполагает пессимистическую настроенность человека на бытие, чувство заброшенности в чужое измерение, где человека ждет только трагическая участь. Мамардашвили придерживается оптимизма, полагая, что мыслящий человек вполне может ощущать радость и переживать счастье от способности обладать смыслом существования. Он настаивает на том, что проблему мира как внешне-созерцательного элемента мышления необходимо просто снять (мир не имеет в отношении нас никаких намерений), но взамен, во-первых, осуществлять непрерывную работу над мышлением о самом себе и, во-вторых, иметь смелость быть страстным, т. е. иметь смелость ввязаться в саму жизнь, ведь только рискуя поставить свое существование на карту, «ты достоверно присутствуешь».

ЛИТЕРАТУРА

1. Гаспарян Д. «Сознательная жизнь» в экзистенциализме М. Мамардашвили // Человек. — 2020. — Т. 31. — № 2. — С. 55–75.
2. Гашков С. А. К понятию структуры в работах М. Фуко и М. Мамардашвили // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. — 2017. — № 39. — С. 141–148.
3. Мамардашвили М. К. Беседы о мышлении. — М.: Фонд Мераба Мамардашвили, 2015. — 816 с.
4. Мамардашвили М. К. Вильнюсские лекции по социальной философии (Опыт физической метафизики). — СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2012. — 320 с.
5. Мамардашвили М. К. Картезианские размышления. — М.: Фонд Мераба Мамардашвили, 2019. — 496 с.
6. Мамардашвили М. К. Классический и неклассический идеалы рациональности. — СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2010. — 288 с.
7. Мамардашвили М. К. О психоанализе: лекция // Логос: филос.-лит. журнал. — М., 1994. — № 5. — С. 123–140.
8. Мамардашвили М. К. Очерк современной европейской философии. — М.: Фонд Мераба Мамардашвили, 2017. — 512 с.
9. Мамардашвили М. К. Психологическая топология пути. — М.: Фонд Мераба Мамардашвили, 2014. — 1232 с.

10. Мамардашвили М. К. Психологическая топология пути. — М.: Фонд Мераба Мамардашвили, 2015. — 1072 с.
11. Мамардашвили М. К. Стрела познания (набросок естественноисторической гносеологии). — М.: «Языки русской культуры», 1997. — 304 с.
12. Подорога В. А. Топология страсти. Мераб Мамардашвили: современность философии. — М.: Канон + РООИ «Реабилитация», 2020. — 352 с.
13. Русаков С. С. Понятийно-категориальный аппарат в социальной философии М. К. Мамардашвили // Философская мысль. — 2019. — № 1. — С. 44–49.
14. Соловьёв Э. Ю. Экзистенциальная сотериология Мераба Мамардашвили // Историко-философский ежегодник'98. — М., 2000. — С. 387–407.